

Глава 1

Пруденс

Люди умеют говорить неправду по-разному. Раньше я это плохо понимала, особенно когда не видела явных признаков лжи. Например, когда Сара называла мои белые лапки «носочками».

— Только посмотри на свои очаровательные носочки! — восклицала она.

Носки — это то, что люди носят на ногах, чтобы те больше походили на кошачью лапку. Но мои лапки и так мягкие и пухлые, и мне трудно представить, что уважающая себя кошка будет терпеть на своих лапах такую глупость, как носки.

Поэтому вначале я думала, что Сара пытается меня перехитрить, заявляя то, что не соответствует истине. Совсем как в тот день, когда она отвезла меня в Ужасное место и сказала:

— Не бойся, ты станешь здоровой и сильной.

По ее напряженному голосу, когда она усаживала меня в переноску, я поняла, что тут скрывается какой-то подвох. И оказалась права. В меня тыкали чем-то острым, заставляли не двигаться, пока человеческие пальцы щупали все части моего тела, даже рот.

Когда попытка закончилась, дама, которая этим занималась, усадила меня назад в переноску и сказала Саре:

— У Пруденс такие прелестные беленькие носочки! — Она улыбалась и была спокойна, когда произносила эти

слова, поэтому я видела, что она не пытается обмануть Сару, как та пыталась провести меня по дороге сюда. Я подумала: возможно, мне стоит облизать свои лапки или сделать что-нибудь подобное, чтобы показать им — это мои настоящие лапы, а не те фальшивые, которые натягивают на себя люди, когда идут на улицу. Я решила, что человеки, вероятно, не так умны, как кошки, и не поймут такой тонкой разницы, пока им на нее не указать.

Этот случай произошел, когда я была еще очень юной, если честно, совсем котенком, — тогда я только начала жить с Сарой. Теперь я знаю, что люди иногда лучше понимают истинное положение вещей, если сталкиваются с ним вплотную. Например, случается, что лучший способ поймать мышь, находящуюся прямо перед твоим носом, — немного попятиться перед прыжком.

Потом, уже дома, глядя на свое отражение в зеркале (как только я поняла, что это мое собственное отражение, а не другая кошка, которая пытается захватить дом), я заметила, что нижняя часть моих лапок на самом деле немного напоминает носочки, которые иногда носит Сара.

И тем не менее сказать, что это и есть «носочки», вместо того чтобы заметить, что они просто «похожи на носочки» — чистейшей воды ложь.

Ко второму способу лжи люди прибегают, когда откровенно пытаются надуть друг друга. Например, когда приезжает Лаура и говорит:

— Прости, что так долго не заглядывала, мам, я честно хотела заехать пораньше... — Совершенно очевидно — по тому, как розовеет ее лицо, напрягаются плечи, — на самом деле она думает, что лучше бы вообще никогда сюда не приезжала. А Сара отвечает:

— Да, конечно, я понимаю. — Хотя по тому, как повысился ее голос и изогнулись брови, сразу видно, что она ничего не понимает.

Раньше я задавалась вопросом, где остальные детеныши из Лауриного помета и почему они никогда к нам не навдываются. Но мне кажется, в помете Лаура была одна. Вероятно, у людей детенышей меньше, чем у кошек, или с остальными детенышами что-то случилось. Так или иначе, а у меня самой когда-то были братья и сестры.

Но это было давным-давно. До того, как я нашла Сару.

Ужасное место находится совсем рядом, можно пешком дойти от того места, где мы живем, — оно называется Нижний Ист-Сайд. На самом деле шла одна Сара, потому что я сидела в переноске. И тем не менее шла она недолго, а кошки бегают быстрее людей. Это факт! Дама в Ужасном месте сказала Саре, что я многопалая коричневая кошка. Сара заинтересовалась, значит ли это, что я некий летающий динозавр? Дама засмеялась и ответила: «Нет, это лишь означает, что у нее лишние подушечки на лапках». Однако я не знаю, какие из своих подушечек считать «лишними», потому что совершенно уверена, что они необходимы мне все. И сказать, что я коричневая — не совсем правильно, потому что частично я белая: например, у меня белая грудка, и подбородок, и нижние части лапок. К тому же у меня зеленые глаза. И даже коричневые мои части кое-где имеют более темные полосы, которые кажутся почти черными. Но я уже заметила, что люди менее щепетильны, чем кошки. Трудно поверить, что они спокойно спят по ночам.

Дама, которая ощупывала меня, еще заявила, что я слишком худая. А чего можно было ожидать, если я жила на улице? Она добавила, что я быстро поправлюсь. С тех пор я стала намного выше и длиннее, но все равно остаюсь довольно тощей. Сара говорит, что мне повезло: я без лишних хлопот сохраняю изящество. Но на самом деле я худая потому, что никогда не доедаю ту еду, что кладет мне Сара. Она кормит меня каждый день, но делает это в разное время. Иногда

Сара дает мне еду прямо с утра, иногда уже ближе к обеду. Бывало даже, что она забывала меня покормить, пока на улице не темнело. Именно поэтому я всегда оставляю еду про запас, на тот случай, если однажды Сара вообще забудет меня покормить.

И как оказывается, волновалась я не зря. Однажды Сара не вернулась домой, чтобы покормить меня, — она вообще не была дома целых пять дней. Первые два мне пришлось довольствоваться тем, что осталось в моей миске. Я даже прыгнула на стол, где стоит пакет с моим сухим кормом, и с помощью зубов и когтей проделала в нем небольшую дырочку, чтобы достать себе еду. (Обычно я так никогда не поступаю, потому что это неприлично. Но, оказывается, есть вещи поважнее приличий).

Наконец на третий день пришла какая-то женщина (я узнала в ней одну из наших соседок) и открыла для меня консервы.

— Пруденс! — позвала она. — Иди покушай, бедная кошечка, наверное, ты так проголодалась...

Я ждала под диваном, пока она уйдет, но вылезла, услышав звук открываемой банки. Женщина попыталась погладить меня по голове, поэтому мне пришлось вновь забираться под диван. У меня какое-то время мелко-мелко подергивались мышцы на спине, пока я не успокоилась. Не люблю, когда ко мне прикасаются незнакомые люди. Поэтому я дождалась, когда она уйдет, а потом уже вышла поесть, несмотря на то что два дня практически умирала с голоду.

С тех пор женщина приходит кормить меня каждый день, хотя я и продолжаю прятаться под диваном, пока она не исчезнет. Может быть, она пытается заманить меня с помощью еды? Может быть, она уже заманила куда-то Сару? Именно поэтому Сара так долго не возвращается домой?

Чтобы скоротать время в ожидании возвращения Сары, я сижу на подоконнике — того окна, что выходит на пожар-

ную лестницу, на которую, как предупреждала Сара, я никогда — ни в коем случае — не должна вылезать. Я наблюдаю за тем, что происходит на улице. Отсюда мне прекрасно виден вход в наш дом, а это значит, что, как только Сара вернется, я обязательно ее увижу.

Чтобы взобраться на подоконник, я с пола прыгаю на кофейный столик, оттуда — на диван. Затем со спинки дивана шагаю прямо на подоконник. Я, конечно же, могла бы запрыгнуть на него и непосредственно с пола (я могу прыгать даже выше, если есть нужда), но, выполняя определенный порядок действий, я удостоверяюсь, что все путем, именно так, как было в прошлый раз. Если не меняются мелочи, следовательно, неизменны и более важные и значительные вещи в жизни. Если я буду продолжать поступать так, как поступала всегда, Сара обязательно вернется домой, как всегда возвращалась. Вероятно, несколько дней назад я совершила какую-то ошибку — что-то сделала не в том порядке, — поэтому она и ушла.

Мы с Сарой живем вместе уже три года, один месяц и шестнадцать дней. Я бы посчитала, сколько это часов и секунд, но у кошек нет понятия «час» и «секунда». Мы знаем, что часы и секунды придумали себе люди. У кошек есть внутреннее чутье, которое подсказывает, когда и для чего настало время. Люди же зачастую не знают, что и когда им делать, поэтому им нужны такие приборы, как часы и таймеры, чтобы ориентироваться. Дважды в год Сара переводит все часы в квартире либо на час вперед, либо на час назад, и это лишний раз доказывает, что часы — вещь надуманная. Нельзя однажды перевести весь мир на день назад или на целый год вперед и надеяться, что он послушается.

Вероятно, вы полагаете, что мы с Сарой — семья, потому что живем вместе? Но не всех, кто живет вместе, можно называть семьей. Иногда это соседи по квартире. А разница заключается в том, что в семье все делают вместе, причем